Тренировки светского общения.

Эти тренировки должны были помочь Саженцам, проживающим только в Саду, адаптироваться к внешнему миру, и обычно они начинались, едва Саженцы пробуждали свои способности.

Однако это была также возможность продемонстрировать товар, прежде чем продать его в аристократические семьи.

Сегодня Генрих был в салоне, где собирались самые титулованные аристократы империи Эль Дорадо. Серебряноволосый Генрих в детском фраке и роскошной рубашке выглядел прекрасно.

— Ты очень красивый мальчик. В тебе много магии? — взглянув на Генриха, спросил маркиз Хилберг с усами-ласточкой.

— Генрих – единственный Саженец первого класса в нашем Саду, маркиз, — очень вежливо ответил ответственный за светское общение Саженцев, Джулиус. В его голосе и выражении лица читалась гордость, которую невозможно было скрыть. — Его магический потенциал так велик, что столь маленькому мальчику сложно его контролировать. Вот почему он носит этот магический ограничитель.

Неожиданно Джулиус положил руку на серьгу, и Генрих слабо вздрогнул и дернул головой. Раздражение сверкнуло на его лице, но только на мгновение.

В салоне Генрих, как ни странно, ни разу не нахмурился. Как будто послушно играл роль «хорошего и талантливого малыша».

— Интересно, очень интересно… Он в подходящем возрасте, чтобы стать младшим членом нашей семьи.

Генрих как будто очень понравился маркизу Хилбергу, так что тот мягко погладил мальчика по голове.

— …

Генрих не ответил. Вместо этого он тихо стерпел это поглаживание и улыбнулся.

* * *

— Что за невезение. Черт побери!

Выйдя из салона и усевшись в карету, Генрих отпустил эмоции и вспыхнул гневом. Как будто

устав, мальчик приложил тыльную сторону руки ко лбу и закрыл глаза.

— Зачем ты меня трогал?

Он действительно терпеть не мог, когда к нему кто-либо прикасался.

Только одному человеку разрешалось трогать мальчика. Аннетт.

— Я устал. Поехали обратно в Сад сейчас же.

Джулиус мягко улыбнулся, взглянув глубокими голубыми глазами из-за длинных светлых волос на мальчика.

— Нужно зайти еще кое-куда, Генрих.

— Меня уже две недели демонстрируют тут и там, как зверька в зоомагазине! Я вымотался.

В отличие от других детей в Саду, Генрих вызывал интерес множества аристократов. Согласно своим пробуждающимся способностям, Саженцы делились на девять классов, но Генрих сейчас был единственным Саженцем первого класса. И не только это. Даже среди Саженцев первого класса он был особенным, что всегда подчеркивалось.

Высочайший уровень означает высочайший потенциал. Аристократы, конечно, хотели заполучить в качестве трофея самого талантливого ребенка.

— Я же сказал, мы еще не закончили все, что запланировали, Генрих.

Джулиус мягко улыбнулся, но почему-то показалось, что он угрожает.

Дыхание Генриха, резкое, как у кошки, коснувшейся воды, затихло. Вместо этого мальчик тихо опустил веки. Фиолетовые глаза ярко сияли из-под тонких ресниц. Мальчик мягко прошептал:

— Даже если я пострадаю?

— …

На мгновение лицо Джулиуса напряглось.

Что за воспоминание пришло ему в голову?

Последняя тренировка по светскому общению, что кончилась кровопролитием. Он ужасно сожалел из-за той ситуации, уничтожившей драгоценные первоклассные финансовые вложения.

Лицо Джулиуса снова смягчилось.

— Если тебе это настолько неприятно, ничего не поделаешь.

Затем он взглянул прямиком на кучера и сказал ему:

— В Сад. Поехали уже обратно.

— Да!

В то же мгновение, когда раздался громкий ответ кучера, сразу послышался топот лошадиных копыт.

Мальчик на заднем сиденье с усталым видом закатил глаза.

«Аннетт, я по тебе скучаю».

Впервые с тех пор, как узнал ее, он так надолго с ней разлучался.

Последние две недели были так ужасны. Усталый и измотанный, Генрих хотел, как только вернется в Сад, лишь одного. Обнять Аннетт и вдохнуть ее запах. Это было для Генриха любимым занятием.

Однако…

Вернувшись в Сад через две недели, Генрих стал свидетелем шокирующей картины. Аннетт держала за руку грязного мальчишку.

Это было неправильно. У него возникло ощущение, что его предали, как будто он два года сражался на войне, проливая кровь, пот и слезы, а вернувшись, обнаружил, что его жена изменила ему и держала за руку другого мужчину. Хотя ему было только одиннадцать. И никакой войны, конечно же, не было, а сам он был ростом всего вполовину взрослого мужчины.

Как бы там ни было, в столь серьезный момент Аннетт так радостно рассмеялась.

— Это твой новый друг! Скажи «привет», Генрих.

Генрих про себя скорчил другую рожу.

«Друг?.. Кто захочет с ним дружить?»

«Что за похожий на дикаря ублюдок».

Ему стало плохо, стоило увидеть красные глаза под черными волосами.

Должно быть, он и так был грязным, но неприятно было просто вытирать его и притворяться, что грязи нет.

В отличие от ослепившей его Аннетт, Сислин не удовлетворял стандартам чистоты Генриха. Хотя он не был грязным или хотя бы нечистым.

Генрих нахмурился. Он просто завидовал, что эти двое держатся за руки.

— Он грязный. Дикарь.

* * *

Скрип…

Вдруг у меня в ушах раздался громкий звук.

Это Генрих поднимал свой роковой флаг.

— Даже хуже, чем просто грязный!

«Все хуже, чем в первоисточнике?»

Я не могла в это поверить.

«Как можно сказать такое этому милому малышу?»

Я дрожащими глазами посмотрела на Сислина. Затем обратилась к Генриху, едва не плача.

— …Нельзя говорить такие гадкие вещи, Генрих.

Какие пугающие слова.

http://tl.rulate.ru/book/80642/2549927